

НА VI СЪЕЗДЕ

В конце июня — начале июля 1917 года в «Правде» стали появляться сообщения о подготовке партийного съезда — первого послереволюционного съезда РСДРП(б). Этого события мы, большевики, особенно в провинции, ждали с большим нетерпением.

В то время я был председателем Костромского городского комитета партии и редактором газеты «Северный рабочий». Нетрудно представить мою радость, когда меня избрали делегатом на VI съезд.

Петроград встретил нас неприветливо. Здесь подняла голову контрреволюция. Временное правительство арестовало ряд руководящих партийных товарищей, «Правда» была разгромлена, партия, по существу, находилась в подполье.

26 июля на Выборгской стороне в Народном доме по Большому Сампсониевскому проспекту (ныне проспект К. Маркса) открылся VI съезд партии. Подобно многим другим делегатам, я пришел в этот день на съезд еще задолго до начала заседания. Как приятно было после стольких лет разлуки встретить старых товарищей по подпольной работе, по тюрьмам, ссылкам. Долгие рукопожатия, увлажненные глаза и вопросы, вопросы без конца...

Всех встреч не упомнишь, но расскажу об одной. Мы уже усаживались на места в зале, когда вдруг сзади меня послышался низкий звучный голос:

— Кого вижу! Друг снова нашелся!

И Яков Михайлович Свердлов протягивает мне руку. Все такой же бодрый, веселый, приветливый, может быть, только чуточку постарел за те 13 лет, что мы не виделись. В 1903 году в Нижнем Новгороде я под его руководством приобщился к революционной работе, у меня была партийная кличка Друг, а Якова Михайловича мы называли тогда Андреем или Кумом.

Но поговорить в тот момент нам не пришлось; Михаил Степанович Ольминский, открывавший съезд, уже стоял на своем месте и нетерпеливо поглядывал в зал.

В президиум вошли Свердлов, Сталин, Ольминский и др. Предложение избрать председателем съезда В. И. Ленина было встречено бурными аплодисментами.

Владимира Ильича на съезде не было, но он руководил им из подполья, через И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, Г. К. Орджоникидзе и др. Преследуемый полицией, Ленин скрывался в это время на станции Разлив. Правительство Керенского, сфабриковав провокационно обвинение Ленина, развернуло гнусную кампанию травли и клеветы, которая должна была, по замыслу контрреволюционеров, создать благоприятную обстановку для физической расправы над вождем большевистской партии. На улицах Петрограда пестрели объявления Временного правительства, призывавшие население доставить Ленина властям живым или мертвым.

Судьба Ленина волновала всех делегатов. Поэтому на съезде сразу же встал вопрос о нем. Окончательное решение этого вопроса было вынесено на специальное заседание. После этого с докладом организационного бюро съезда выступил Свердлов. Указав на сложность обстановки, в которой собирался съезд, Яков Михайлович отметил, что «только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда здесь, в Петербурге», предложив выразить от имени съезда благодарность Выборгскому району за гостеприимство.

Первое заседание закончилось. Я подошел к Свердлову, который о чем-то оживленно разговаривал со Сталиным. Он познакомил нас.

— Из Костромы? — переспросил Иосиф Виссарионович. — Это интересно. Вам сейчас куда? На Петроградскую сторону? Пойдемте вместе.

К нам присоединились Ногин, которого я знал как Макара по работе в Московском окружном комитете в 1908 году, Ломов-Оппоков, знакомый мне по Саратову и Петербургу, и кто-то еще. Так небольшой группой мы и вышли на улицу. По дороге решили зайти в кофейню. Хотелось побыть одним, поговорить без помех. Нам повезло: кроме хозяина, сонно клевавшего за стойкой, в помещении никого не было.

Усевшись за отдельным столиком, мы заказали по стакану суррогатного кофе и, медленно прихлебывая по глоточку, говорили о своих делах. Яков Михайлович припомнил, как в Нижнем Новгороде выпускали листовки и воззвания, отпечатанные на усовершенствованном мною гектографе, как потом, уже пользуясь резиновым шрифтом, печатали «Манифест Коммунистической партии».

Долгое время мы размножали нашу литературу на обычном гектографе, но вдруг неожиданно разбогатели: Кум — Свердлов приобрел где-то каучуковый шрифт, и дело должно было пойти значительно лучше. Ведь с гектографа много оттисков не сделаешь, а теперь перед нами открывались неограниченные возможности.

Как-то ко мне на квартиру прибежала одна из подпольщиц.

— Кума взяли! Прячь все и беги отсюда, — запыхавшись, проговорила она.

Я решил спасти наборную кассу со шрифтом. Завернул ее в черный платок и выскочил на улицу.

Некоторое время побродил по городу, слезки за мной как будто не было. Тогда я направился к окраине, где хотел спрятать кассу. И только тут я заметил, что следом идет подозрительный человек. Неподалеку находилось кладбище. «Вот,— думаю,— сейчас сверну туда, за могилами и памятниками меня не сыщет». Не тут-то было! Незнакомец преградил мне дорогу.

— Что несешь?

— Да вот икону божию несу матери на могилку,— пытался я выкрутиться.

Шпик быстро выхватил у меня из рук сверток, увидел листовки и какой-то запертый ящик и потащил меня в участок. Там взломали ящик-кассу и обнаружили наш шрифт.

Охранке так и не удалось связать нас со Свердловым по одному делу. Держались мы крепко. Промариновав Свердлова несколько месяцев в тюрьме, полицейские вынуждены были выпустить его за отсутствием улик. А я и еще один товарищ были высланы на три года на Север.

Вот обо всем этом мы и вспомнили с Яковом Михайловичем за стаканом кофе. Потом разговор перешел на тему текущих событий. Свердлова и Сталина очень интересовало, что происходит у нас в Костроме. Я постарался подробно нарисовать обстановку. Большевистское руководство укрепилось в Костромском Совете рабочих депутатов и в профсоюзах уже вскоре после Февральской революции. Фабричные комитеты на предприятиях осуществляли рабочий контроль над выплатой заработной платы, следили за обеспечением предприятий топливом и сырьем. Повсюду на заводах и фабриках были созданы красногвардейские дружины, представлявшие собой реальную вооруженную силу рабочего класса.

Сталин внимательно слушал, время от времени кивал головой. Вдруг он спросил:

— А вот у вас, в Костроме, работает Данилов. Вы не знаете, откуда он к вам пришел?

Данилов был одним из видных наших работников. Я его хорошо знал, но ответить на заданный вопрос не смог. Иосиф Виссарионович стал меня подробно расспрашивать о его работе и, очевидно, остался доволен моим отзывом. Оказывается, он встречался с Даниловым в редакции «Правды» еще в 1912 году.

Так мы просидели в кофейне несколько часов.

На втором заседании съезда с политическим отчетом Центрального Комитета партии выступил И. В. Сталин. Излагая ленинскую тактику партии в борьбе за социалистическую революцию, он говорил о том, что революция, вопреки воле буржуазии, развивается, что пора ставить вопрос об осуществлении контроля над производством и распределением продуктов, о передаче земли крестьянам, передаче власти из рук буржуазии в руки рабочего класса и крестьянской бедноты. Кончилось двоевластие, Советы потеряли власть,

они дискредитировали себя в глазах трудящихся. Лозунг «Вся власть Советам!» должен быть снят. Однако в отчете ЦК подчеркивалось, что речь идет не о Советах вообще, а лишь о тех Советах, работой которых руководили меньшевики и эсеры. «Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...» Партия была нацелена на вооруженное восстание.

Съезд утвердил отчет Центрального Комитета и одобрил его работу «в деле руководства политической деятельностью РСДРП и политическими выступлениями рабочего класса».

Группа троцкистов попыталась было высказаться против линии партии на пролетарскую революцию. Они, видите ли, считали, что победа социализма в России невозможна. Съезд дал решительный отпор троцкистам.

Наша работа проходила в строго конспиративной обстановке, но это не нужно понимать узко. Мне пришлось где-то читать о нелегальном положении VI съезда. Автор писал, что делегаты слушали Сталина, сгруппировавшись вокруг него и опустив на окна занавески. Это не соответствует истине. Делегаты не прятались в буквальном смысле этого слова. Такие мастера конспирации, как Сталин, Свердлов и другие, которые руководили работой съезда, старались сделать так, чтобы его участники сливались с повседневной жизнью большого города, чтобы ничем не выделялись среди жителей. И это удалось как нельзя лучше.

Делегаты собирались и расходились маленькими группами и в одиночку, в перерывах рассеивались в уличном движении, обедали в общественных столовых, а ночевали в разных местах. Нелегко было ищейкам Керенского разыскать нас — ведь на съезд собрались в основном революционеры-профессионалы, старые подпольщики.

На съезде был проведен сбор анкетных данных. На анкету ответил 171 делегат. Из них в революционном движении каждый участвовал в среднем не менее десяти лет. Сто десять делегатов отбыли в общем 245 лет тюремного заключения; 10 делегатов отбыли 41 год каторги; 150 человек подвергались аресту 549 раз. Интересно в анкете еще одна деталь: средний возраст делегатов составлял 29 лет, самому старшему было 47.

Вот каких людей пытались разыскать шпики Керенского!

По вопросу о явке В. И. Ленина на суд выступил Серго Орджоникидзе. Он сообщил, что «социалист» Керенский поручил вести дело известному царскому тюремщику, прокурору Александрову. А это значило, что Ленина просто хотят убить.

— Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина, — сказал Серго.

Кое-кто из делегатов высказался за то, что Ленин должен явиться на суд reactionеров, с тем чтобы превратить его в суд над правительством. Но Дзержинский и Сталин выступили против этих демагогических рассуждений.

— Мы должны ясно и определенно сказать,— говорил Ф. Э. Дзержинский,— что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищу Ленину не арестовываться. Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих.

Съезд полностью поддержал позицию ЦК партии по этому вопросу. Выразив протест революционного пролетариата, делегаты восторженно встретили предложение послать приветствие В. И. Ленину.

Вслед за отчетом ЦК партии на повестке дня съезда стояли доклады с мест. Были заслушаны доклады московской, петроградской, уральской, закавказской и других партийных организаций. Все выступавшие отмечали рост влияния большевиков. За три месяца — от Апрельской конференции до VI съезда — число партийных организаций выросло с 78 до 162, а количество членов партии возросло за это время втрое — с 80 тысяч до 240 тысяч.

Большевистская партия к этому времени имела свои организации во всех промышленных, сельскохозяйственных и национальных районах страны, а также и в армии. К VI съезду партия имела 42 печатных органа общим тиражом 320 тысяч экземпляров.

Гонения, которым подвергались большевики в июльские дни, не подорвали их престижа среди трудящихся, а, наоборот, еще больше подняли его. Презрительно называя меньшевиков и эсеров «социал-тюремщиками», рабочие и солдаты, как рассказывали делегаты с мест, уходили из соглашательских партий, пополняя ряды большевиков.

Правительство Керенского продолжало наступать на революцию. 29 июля мы собрались утром. Когда уже все сидели на местах, председательствовавший на съезде неожиданно, не открывая заседания, объявил получасовой перерыв. Члены президиума и ЦК удалились на закрытое совещание. Оказывается, в тот день газеты опубликовали сообщение правительства о том, что военному министру и министру внутренних дел разрешается закрывать съезды и собрания. Это было направлено прямо против нас. Временное правительство, конечно, было информировано о съезде большевиков, но не могло дознаться, когда и где он состоится. Теперь в случае обнаружения съезда контрреволюционеры получали возможность тотчас же с нами расправиться...

В этот день мы заслушали только приветствие съезду от Американской социалистической рабочей партии и разошлись.

Очередное заседание состоялось на следующий день вечером. Боюсь утверждать наверное, но мне припоминается, что мы собра-

лись тогда уже у Нарвских ворот, в здании школы, где проходила последние дни работа съезда. На этом заседании довелось выступить и мне.

Доклад о войне и международном положении сделал Бухарин. Не видя разницы между богатым и беднейшим крестьянством, он утверждал, что крестьяне настроены оборончески, что они находятся под влиянием буржуазии и не пойдут в революции за рабочим классом. Жонглируя фразами, он стремился «научно» подорвать ленинские принципы рассуждениями о бессилии пролетариата перед блоком буржуазии и крестьянства.

VI съезд отверг капитулянтскую линию Бухарина и в своих резолюциях указал на необходимость самой решительной борьбы за создание и укрепление союза рабочего класса с беднейшим крестьянством как необходимого условия для победы социалистической революции. Исходя из ленинских установок, съезд поставил перед партийными организациями задачу — добиваться сплочения беднейших слоев крестьянства вокруг рабочего класса, организовать их и подготовить к борьбе за диктатуру пролетариата.

Соратники и ученики В. И. Ленина уверенно вели съезд. Руководящие указания Владимира Ильича легли в основу их докладов. Спокойствие, корректность, выдержка единомышленников великого Ленина произвели огромное впечатление на всех делегатов. Суетливый Бухарин, снисходительно-пренебрежительный Преображенский вызывали у нас чувство неприязни и недоверия.

Ни по одному вопросу съезд не поддержал оппортунистов, он твердо занял ленинскую позицию во всех решениях.

Несмотря на бушевавшее кругом пламя контрреволюции, VI съезд работал спокойно. Красногвардейцы Нарвского района организовали надежную охрану. Как потом вспоминали некоторые из них, созданием охраны занимался Ф. Э. Дзержинский. Вооруженные винтовками и пулеметами рабочие круглосуточно дежурили вокруг школы, где проходил съезд. В интересах конспирации им не сообщили, какую службу они несут. В течение нескольких дней, наблюдая непосредственно за улицей, куда сходилось около трехсот участников съезда, наша охрана так и не заметила никаких отклонений от нормальной жизни улицы. И лишь спустя много лет, прочитав о времени и месте работы съезда, они узнали, какая ответственность была возложена на них партией.

Съезд принял резолюции о текущем моменте и войне, о политическом и экономическом положении, о задачах профессионального движения, о союзах молодежи и т. д. Эти решения имели величайшее историческое значение в подготовке и проведении пролетарской революции. VI съезд принял новый Устав партии, в котором указывалось, что все организации партии должны строиться на началах демократического централизма.

В состав ЦК съезд избрал В. И. Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, Ф. А. Сергеева (Артема), С. Г. Шаумяна и др.

3 августа делегаты собрались на последнее — пятнадцатое по счету — заседание. При общем одобрении Серго Орджоникидзе попросил объявить делегатам имя члена ЦК партии, получившего при выборах в ЦК большинство голосов; в его лице съезд будет приветствовать вождя партии. Имя Ленина, которое назвал председательствующий Свердлов, делегаты встретили овацией.

В заключение выступил один из старейших членов партии — Виктор Павлович Ногин. Он подчеркнул, что нашей партии выпала счастливая задача — быть не только пропагандистом идей социализма, но и подойти вплотную к претворению в жизнь нового устройства общества.

Он сказал:

— Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, но она искупается зато величием задач, стоящих теперь перед нами как партией пролетариата, который не может не победить и победит! А теперь за работу!..

Его слова тонут в буре аплодисментов. Делегаты поют «Интернационал». Величественному в своей простоте гимну пролетариата становится тесно в стенах помещения.

И долго мы еще не расходимся, делясь впечатлениями, прощаясь с друзьями, обсуждая перспективы работы на местах.

Летопись Великого Октября. Апрель — октябрь 1917 г. М., 1958, с. 141—148